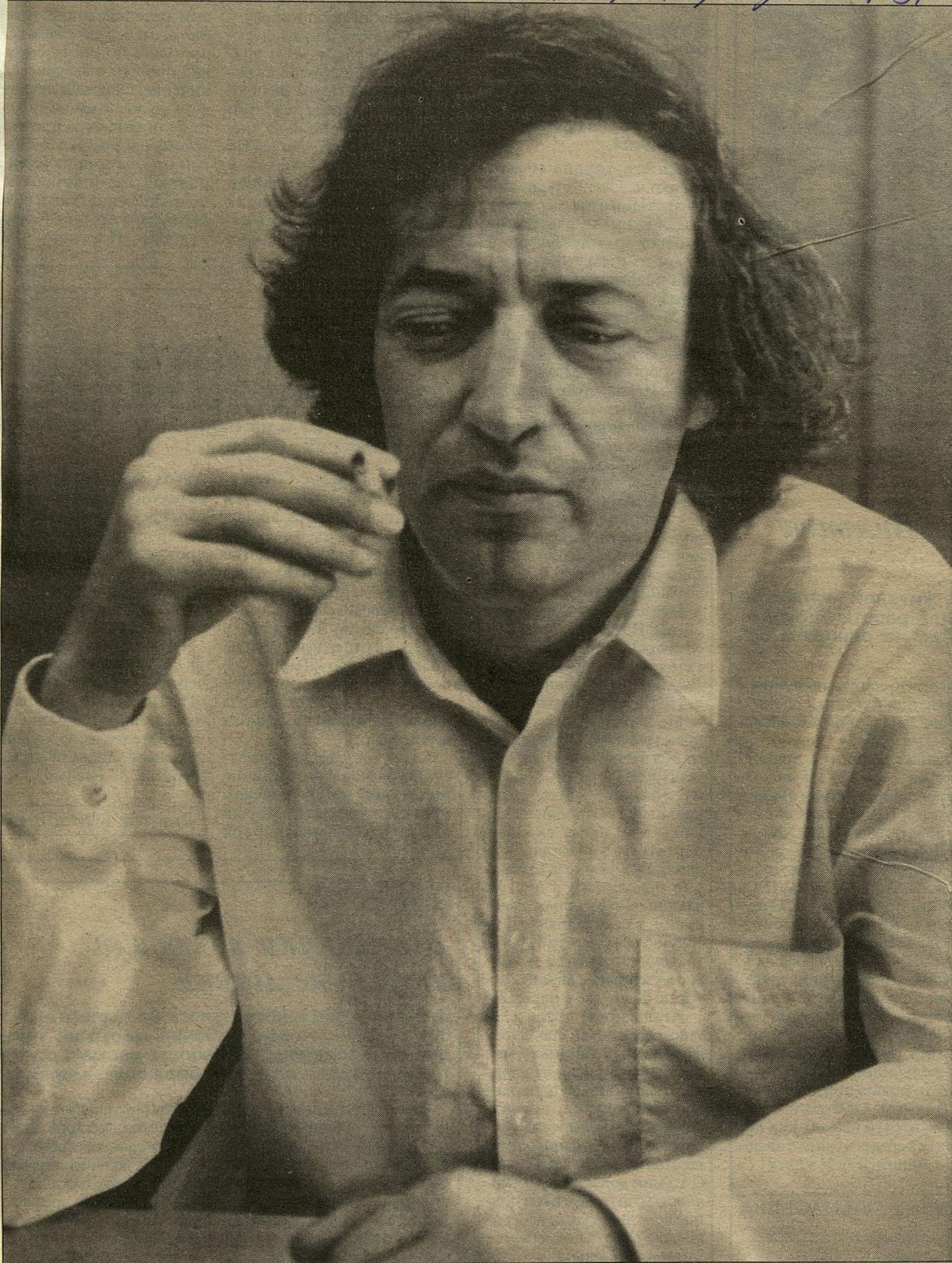

Бахыт Кенжеев: «Я знаком с одним поэтом...»

Моск. новости. — 1996. — 4-11 февр. — с. 31

Бахыт Кенжеев уже много лет живет в Канаде. В Москве бывает или наездами, или — что чаще — проездом. Так, видимо, будет и в этот февральский раз. Отраднo думать, однако, что последний его одноклассник стихов вышел недавно именно здесь: поэтесса Москвы, ее переулки и пригороды слишком много нашептали бывшему участнику литкружка «Московское время», чтобы оказаться забытыми вдалеке. Каждому поэту важен прежде всего родной читатель.

Стихи Кенжеева отогревают наши замороженные за долгую зиму души... Ранняя поэзия его акварельна и музыкальна. В ней — полутона, полочувства. Позже мир становится отчетливее; появляются горечь изгиба и стоптанные каблучки бродяги. Еще позже мир обобщается: опыт рождает философическое спокойствие и грусть. Впрочем, за всем этим всегда сквозит слезная почти жалость поэта к себе и к миру, отчего стихи Кенжеева всегда узнаваемы и всегда же прожиты небесталанными нашими читателями и поэтами, которых у нас, слава Богу, еще предостаточно.

Глеб ШУЛЬПЯКОВ

Бахыт КЕНЖЕЕВ:

*Я знаком с одним поэтом:
он пока еще не стар.
Утро красит нежным светом
стены замков и хибар.
Он без сна сидит на кухне.
За стеною спит жена.
Стынет кофий, спичка тухнет,
и в тетрадке ни хрена.
Это страшно, но не очень.
Завещал же нам «молчи»
цензор Тютчев, в дикой ночи,
или, правильной, в ночи,
размышлявший о прекрасном
и высоком, но пера
не любивший, даже классно
им владея. До утра
в тихой мюнхенской гостиной
созерцал он чистый лист
у потухшего камина,
безнадежный пессимист.*